

(1)В доме Чехова в Ялте, на стене над камином, очень простой пейзаж Левитана — стог сена в осенних поздних сумерках, когда на траву уже ложится холодная роса. (2)Левитан оставил Чехову картину как подарок из милой сердцу России. (3)Очень прост этот пейзаж. (4)Прост, как все картины Левитана. (5)Перед ними можно стоять и час, и два и всё же до конца не понять, в чём сила этих элегических красок, в чём тайна этого молчаливого художника, покоровшего наши сердца. (6)Тайна (если это можно назвать тайной) в том, что Левитан показал нам самим всю силу нашей любви к своей родной стране. (7)Он показал нам нашу любовь, застенчивую и до него не высказанную в полной мере.

(8)Средняя полоса России — страна необыкновенная. (9)Достаточно увидеть, как ветер уносит лиственный убор лесов в синюю осеннюю даль или каким застенчивым счастьем блестят глаза белоголового мальчика со свистулькой в руках — того мальчика, что сидит на песчаном косогоре и тихонько посвистывает. (10)Достаточно увидеть хотя бы это, чтобы сердце надолго, навек, навсегда покорилося этой стране с её светлой и чистой, как родниковая вода, красотой.

(11)С глубочайшей властью России над человеком бороться нельзя. (12)Миллионы людей нашли Россию как свою вторую родину. (13)Жизнь Левитана полностью это подтверждает. (14)Для меня с поздней юности лучшей на свете страной стала Средняя Россия. (15)Это вначале удивляло меня самого: я вырос на юге. (16) Впервые я увидел Среднюю Россию, когда мне было двадцать лет. (17)Это было осенью. (18)Я ехал из Киева в Москву. (19)Невдалеке от Москвы я увидел из окна вагона неправдоподобно синюю, совершенно индиговую маленькую реку, засыпанную жёлтыми листьями. (20)Я высунулся в окно и вдруг задохнулся. (21)Отчего я задохнулся, в то время я ещё не догадывался. (22)Сейчас я хорошо знаю, что задохнулся тогда от радости, от внезапного приобщения к красоте страны, что пронеслась за окнами в холодеющем воздухе. (23)В лицо светило нежаркое сентябрьское солнце. (24)Я смотрел до головокружения на шумливые рощи, трепет осин и берёз, блеск светлых речушек, на увядающие луга, далёкие ямщицкие увалы и сияние кромки строгих, как кремлёвские стены, сосновых боров по горизонту. (25)Так, мелькнув, впервые появилась и захватила всё моё сердце новая родина.

(26)На следующий день в Москве, куда я попал впервые, я пошёл в Третьяковскую галерею. (27)Вошёл в боковой зал наверху и вдруг снова задохнулся. (28)Невольные слёзы обожгли глаза (я тогда очень стыдился слёз) — я стоял перед «Золотой осенью» Левитана. (29)Эта картина вошла в моё сознание как проявление такой величавой и облагораживающей красоты, что до тех пор я даже не мог поверить в существование такой красоты на свете.

(30)Все семь дней, какие я тогда пробыл в Москве, я провёл в галерее у полотен Левитана — изумлённый, взволнованный, притихший. (31)Всё дрожало у меня на душе. (32)Я чувствовал, что со мною происходит что-то непонятное. (33)Я не мог тогда ещё ясно знать, что происходит со мной.

(34)А происходило величайшее событие в моей жизни: я нашёл свою родную страну. (35)Я уже любил её до последней прожилки на каждом незаметном дубовом листке. (36)Я был готов отдать этой стране все силы души и тогда ещё молодого сердца. (37)Тогда впервые дошёл до меня подлинный смысл таких слов, как «священная земля», «Отечество», «Отчизна».

(38)С тех пор Средина Россия стала для меня действительно священной землёй, и я часто видел её так, как в первый раз, — покрытую драгоценным покровом серебряной осенней паутины и залитую сиянием нежаркого солнца.

(По К.Г. Паустовскому)